

Случилось это в канун известных событий на Чернобыльской АЭС. Сашка пришёл с работы раньше. Просто, бригада сидела и томилась временным бездельем, и бригадир всех отпустил. Дома никого не было. Он разогрел обед, переоделся и сел за стол. В окно кухни рисовалась обычная сельская картина. Обычная для поздней осени. Унылая, пустынная, разбитая дорога с голыми деревьями вдоль. Частокол, серое небо, домики напротив да чья-то лохматая собачонка, бегающая без всякой цели. Он покончил с борщом, пожевал кусочек мяса и принялся за чай. В начале улицы показались три неторопливо бредущих фигуры: две женщины и ребёнок. Они свернули в один из домов и через некоторое время вышли.

- Нет никого дома, - вяло подумал он, - да и понятно, время ещё рабочее, взрослые на работе, а дети в школе.

А Процессия медленно двигалась дальше. Убогошли безрезультатно ещё несколько домов. Сашка уже мог рассмотреть идущих. Одна женщина явно была старшей. Походка выдавала её возраст. А ребёнок оказался девочкой-подростком. Троица была одета не совсем обычно. Все трое в длинных юбках ниже колен, повязанные шальями, причём цветными, в куртках разного покроя и цвета.

- Похоже, цыгане, - подумал он. - Откуда? В округе не слышно было, чтобы табор оста-

- как будто извинилась старшая.

Сашка послушался. Открыл холодильник, достал яйца, протянул.

- Совсем скоро, - молвила она, - случится большое горе. Очень большое, непоправимое. Далеко от тебя. Не твоя вина в том, сынок, но участие в нём ты примешь. Самое большое. А что дальше будет - увидишь сам.

С этими словами она встала, включила плиту, поставила сковороду. Подождала, когда та раскалится, приказала:

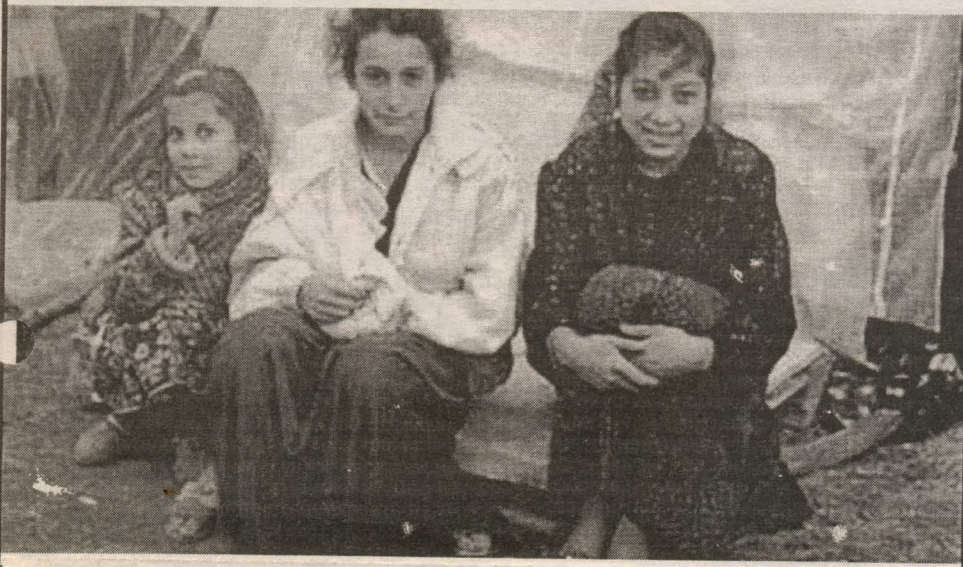
- Присядь, не бойся, смотри... Давай, - она скомандовала немой.

Младшенькая пила молоко и как будто отсутствовала. Немая бережно положила два яйца на сковороду. Они не зашипели, не взорвались, а просто стали кататься по сковороде. Сашка зачарованно смотрел.

И вдруг яйца лопнули. Как будто под наседкой. Пошли трещинками да и развалились.

А оттуда змейки маленькие, длинненькие, вьющиеся, так и поползли. Со сковороды на плиту. С плиты на пол, по полу и прямо к Сашке! Он испугался, хотел закричать, а язык будто присох. Он подтянул ноги под себя. А они уже по ножкам стула ползут! Тут немая как затопает ногами, будто в пляс пошла. И все перед ним. Замерли змейки. Словно засыпали.

- Смотри, сынок, - сказала старшая, - это твоя Беда. Ну-ка, Галька, - попросила она младшенькую, - собери их!

ЦЫГАНЕ

Владимир

ПОЛЯКОВ

навливался. Хотя цыгане теперь не живут табором. Наверняка приехали со станции.

В деревне цыган не привечали. Относились с недоверием. Разное про них говорили. Хотя Сашка с ними не общался. Путники завернули в его двор. Постучали. Сашка открыл. Внешний вид был обычным. Женщина постарше была похожа на Сашкину мать. Только маленько чернее, мамка была из бурят. И возраст примерно такой же. Средняя, по всей видимости, её дочь, а может, и нет — не похожа. Малышка и вовсе сама по себе: смуглая, как уголёк, а глазёнки синие-синие! Сейчас бы сказали — Барби!

— Здравствуй, уважаемый, — певуче приветствовала старшая. — Если минутка свободная есть, удели, не побрезгуй. Странники мы. Идём по земле туда-сюда, себя ведём, землю топчем, слово робщем. Вижу, смущён видом нашим. Не робей: не все цыгане худые, есть и добрые. Позволь согреться?

Сашка немного растерялся от обилия слов. Отступил внутрь.

— Заходите...

Зашли. Развязали шали. Сели. Младшенька попросила:

— Дяденька, молочка нет?

Сашка засуетился:

— Как нет?! Конечно, есть! Сейчас.

Открыл холодильник, достал банку, бокалы, налил всем.

— Небогато живёшь, — сказала старшая, — ой, небогато! И жинка вроде справная, да и сам молодец, а добра не нажили. Ты не сердчай на слова, я правду говорю. Знаю, дети есть. Двое. Хочешь, правду скажу? Всю правду, какая есть и какая будет.

— Ты сейчас наговоришь, — восторженно Сашка, — может, чего-нибудь дать? Только денег нет. Честно, нет! Вот молока, картошки. Сало есть...

Он замялся.

— Э..., нет. Я не о том. Добрый ты. По глазам вижу. А я у таких не беру. Жалко тебя.

— Меня? — Возмутился Сашка, — ты это брось! Мне не жалко. Я же вижу, как вам несладко. Слякоть, дожди всю неделю, а вы мааетесь, ходите по дворам, небось, несладко?

Молодая встала и молча подошла к газовой плите. Взяла сковородку, протёрла, оглянулась на старшую, как бы спрашивая.

— Дай ей пару сырых яиц, — попросила та.

— Не бойся, дай! Худа не будет. Немая она,

Та отставила бокал с молоком, встала, прошла до печки, взяла веник и, будто мусор, замела змеек в кучку. Собрала в пригоршню и выбросила в поддувало. Сашку трясло.

Цыганки посидели у него ещё немного. Может, час, может, меньше, может, больше. Пили молоко. Старшая курила сигареты. Немая и младшая смотрели телевизор. Говорили ни о чём. О погоде, об урожае, о том, как трудно купить, что хочется. Так, о мелочи всякой. Про змеек — ни слова. Сашка боялся спросить, цыганки молчали.

— Ну, спасибо, добрый человек! — сказала старшая.

— Отогрелись мы возле тебя, пора и честь знать. Не сердчай. Нам пора.

Собрались они быстро. Даже как-то суетливо. Сашка порывался что-то дать с собой, сунул в сетку банку молока, кусок вареного мяса, яблочек своих. Они не отказались.

— Сынок, знаю, тебя сомнения мучат. Тронет тебя Беда, да пройдёт она мимо, не горюй. Не всё лихо твоё. Лихо поделят многие. Больше — безвинные. Но так всегда бывает. Всё потому, что живём мы неправильно. А как правильно, я бы сказала, да не знаю. Вот, может, Гальку спросить. Она скажет, да никто ей не поверит, мала ещё. Правда, Галька?

— Правда, правда, мамка. Вон немая сказала, потому и немая, — Галька засмеялась.

— Правда-то никому не нужна. Страшно правду-то знать, а уж сказать и вовсе страшно. Лучше кривду. Она всем по душе.

И Галька потянула старшую за подол. Так они и пошли. Сашка проводил их до ворот. И ещё долго стоял, глядя им в след, кутаясь в фуфайку.

А дальше случилось то, что случилось. Осенью следующего года его, как ещё нескольких земляков, срочно вызвали в военкомат, дали сутки на сборы и повезли в далёкие края. Ликвидировать последствия аварии. Ликвидировал он последствия честно. Не прятался за спины. Хотя толком не знал, что ликвидирует. Но догадывался. Забирался на крышу реактора, точно по секундам. Надевая на себя тяжёлые свинцовые латы, собирал какой-то мусор в специальный мешок, сбрасывал в контейнер. И бегом возвращался. Только потом, спустя некоторое время он понял, чего это ему стоило. Но это потом. Да и не совсем это уже важно. А предсказание цыганок сбылось. Бог миловал. Он до сих пор жив, пусть не совсем здоров, назло всем живой. Хотя многих, кто с ним был, давно уже нет. Вот и вся история.